

Катехизис Кэндзабуро

3 марта 2023 года не стало выдающегося японского писателя Оэ Кэндзабуро.

31 января 2023 года писателю исполнилось 88 лет.

«Обращаясь к душам деревьев и душам китов, он посылает им последнее прощание: **всё хорошо!** И за ним приходит та, которая приходит за всеми людьми» (последние слова романа «Объяли меня воды до души моей»).

«**М**еня просто удручает бедность воображения нынешних студентов! Может быть, попробовать в следующий раз пригласить ребят помоложе? Как вы, интересно, представления современной молодежи, о которой теперь так много говорят?» — так заканчивается рассказ Оэ «Неделя почтения старости». Сформулирован один из главных вопросов, которые волновали писателя. Другой вопрос-воззвание звучит так: «Где ваша совесть, которую должны иметь люди, совершающие революцию? Не усугубляйте совершенных вами преступлений...»

Но преступления усугубляются, а слова таких, как Оэ, игнорируются с особым старанием. И авария на АЭС «Фукусима», и нежелание мира отказываться от атомных разработок, и новые разговоры об атомной угрозе — всё это доказательства того, что романов Оэ никто не читал, а если и читал, то не понял, не смог воспринять. Бедностью воображения страдают не только студенты из упомянутого рассказа. Но вот, по контрасту, Оэ приводит пример человека с богатым воображением: «У меня был друг, молодой ученый, недавно покончивший с собой во Франции. Это был человек неординарных способностей, счастливо живший с женой французской; у него не было никаких душевных расстройств, но он ужасно боялся ядерной войны. Он был способен конкретно, в деталях представить себе, как произойдет гибель мира в случае развязывания ядерной войны» («Мое личное отношение к конституции», 1964).

Писательскую судьбу Оэ можно назвать не просто счастливой, но и рекордно счастливой. Мальчик из глухой деревни на периферии Японии, из многодетной семьи, получил прекрасное образование (Токийский университет, факультет словесности, французское отделение), ранний литературный успех — премия Акутагавы (одна из самых престижных в Японии, если не самая) в 23 года за рассказ «Содержание скотины» (увидев когда-то давно этот рассказ в одном из сборников Оэ на русском языке, я почему-то подумал, что имеется в виду «содержание» в смысле «оглавление», и меня это поразило: во дает мужик, ну, модернист!), и далее — по нарастающей, вплоть до Нобелевской премии в 1994 году. Оэ — писатель, причем, писатель долгого дыхания, лучше всего выражающий себя в форме романа. Последних в его активе насчитывается 28, из них на русский переведено примерно 6. Это не считая коротких рассказов и очерков. Кроме писательской деятельности, Оэ — активный общественно-политический деятель с четко обозначенной позицией (демократия, гуманизм, антиамериканизм, антиимпериализм), борец за мир, вскрыватель язв японского общества, совесть нации. Он работал

корреспондентом, занимался журналистикой, благодаря чему привлекал общественное внимание к трагедиям Хиросимы и Нагасаки, а также к феномену Окинавы и Ёкосуки (городок неподалеку от Токио) с их нерешаемыми проблемами американских военных баз.

Оэ не просто писатель, но прежде всего интеллектуал, владеющий всем необходимым аппаратом — от японской классики до русских формалистов и французских теоретиков, — для которого литературная, романная форма — один из способов транслировать свои идеи, пытаться влиять на ситуацию. Разумеется, это не делает его исключительно ангажированным, т. е. плохим писателем, или вовсе горлопаном. Прекраснодушных людей с активной политической позицией тьма тьмущая, а писателей, мастеров романа уровня Оэ — всего один, и тот выдающийся. В этом смысле он близок к Сартру (только тоньше и интереснее), или даже скорее к Камю, но еще ближе, как мне представляется — в плане особой смеси идейно-образной палитры — к кинорежиссеру Жану-Люку Годару (1930–2022), последнему интеллектуалу, всемирно признанному аутсайдеру мира кино. Мне иногда кажется, что некоторые фильмы Годар — это визуализации романистики Оэ. Они даже прощались похожим образом: «Прощай, моя книга!» (Оэ, 2005), «Прощай, речь!» (Годар, 2014).

Миры романов Оэ населяют люди (мужчины, женщины, подростки, старики, дети; японцы, корейцы, латиноамериканцы), животные (собаки, киты, различные, но всегда точно названные птицы: дрозд, сэндайский насекомое, сойка, камышовка...), растения (всевозможные деревья, так же точно названные) и духи (умершие предки, мифологические персонажи). Типы пространств: мифическое прошлое (доисторическое), историческое прошлое (сто лет назад), современность (например, 1960-е годы). Некоторые аспекты происходящего, проблематика: поиск себя и выход из личного жизненного кризиса; опыт пребывания «в себе» и «не в себе», в том числе — географически: в Японии и за ее пределами; феномен

Оэ Кэндзабуро с сыном Хикари. 1968 год

Кадр из документального фильма «Созвучие отца и сына»

нормы и отклонения от нормы: всевозможные человеческие аномалии, извращения, сумасшествия; тема дурной крови, дурной наследственности и личной ответственности за потомков, невольных жертв подобных аномалий; конфликт поколений; феномен молодежного бунтарства, доходящего до экстремизма и терроризма; идея основания нового государства («нового мира») и проблема написания истории этого государства; бегство в укрытие от опасностей современности; резкая критика оккупационной политики США по отношению к Японии; модернизация Японии и сохраняющиеся при этом (в провинции) черты уклада традиционного общества.

С героями / персонажами / протагонистами романов Оэ происходят необычные вещи. Тела некоторых могут странном образом меняться в размерах; иным отведена роль жертвенных животных, своего рода сакральных фигур, выполняющих роль оберега, смерть (самоубийство) отдельных персонажей весьма экстравагантна

Оэ Кэндзабуро в Японском культурном институте. Кёльн, Германия, 4 ноября 2008 года

(«В конце лета он выкрасил в красный цвет голову, разделся догола и повесился»).

Герои Оэ перемещаются на кораблях, лодках, мотоциклах, машинах (американские «джипы», французские «ситроены»), самолетах. Персонажей этой романистики опьяняет (в прямом и переносном смысле): виски, коктейли «Маргарита», снег, кровь, состояние переживания смерти другого, жажда возмездия. Не удивительно, что в романах Оэ почти всегда представлен ад: он может пылать в душе персонажа или являться в виде воспоминания о старинном буддийском изображении. Чем заняты все эти люди? Их профессии (в кавычках и без): переводчик, историк, торговец-предприниматель, бунтарь-вожак, простой житель, «свита/массовка» (покорная масса), жрец, актер... Отец, сын.

В прозе Оэ масса прямых и косвенных отсылок и упоминаний. Писатель приглашает на свои страницы известные исторические фигуры, поэтов, писателей, философов, художников, общественных деятелей. Вот лишь некоторые «Люди и Тексты» Оэ: Миядзава Кэндзи, Жан-Поль Сартр, Таникава Сунтаро, Эдгар По, Накаэ Тёмин, Джон Дьюи, Генри Миллер, Янагида Кунио, Блез Паскаль, Эномото Такэаки, Сергей Эйзенштейн, Хосе Гуадалупе Посада, Иероним Босх, «Нихон сэки», Котоку Суюй, Джером Сэлинджер, Гастон Башляр, Юрий Лотман, Мишель Турнье, Клод Леви-Стросс, Сол Беллоу, Уильям Фолкнер, Тору Такэмицу, Герберт Уэллс, Исикава Такубоку, Уистан Хью Оден, Ким Джи Ха, Юрий Гагарин, Герман Титов, Хара Тамики... Список, разумеется, далеко не полон.

Не случайно одним из любимых интертекстов для Оэ выступает «Корабль дураков». Этот корабль — метафора той современности, с которой ничего не поделаешь, которая делается всё дурнее и корабельнее, но которую необходимо исследовать всеми доступными писателю средствами, ставить ей диагноз.

Нобелевская речь Оэ озаглавлена так: «Аймайна Нихон-но ватаси». Аймайна — это прилагательное, означает «сложный», «неоднозначный», «амбивалентный». Нихон — «Япония». Ватаси — «я». «Но» между «Нихон» и «ватаси» — притяжательный постфикс. Вроде бы всё ясно. Но есть нюанс: японский синтаксис позволяет двоякое (тоже «аймайна») понимание оттенков даже такой короткой фразы. Проще всего показать при помощи скобок: 1. (Аймайна Нихон)-но ватаси, или 2. Аймайна (Нихон-но ватаси). То есть или скорее «амбивалентная Япония», к которой я имею отношение, или «японский я», и оба мы с моей родиной все такие из себя неоднозначные и противоречивые. По-японски работает и тот, и другой оттенок. В русском же приходится выбирать: или «страна», или «я».

Отношение к Оэ в Японии тоже неоднозначное. С одной стороны — признанный, прижизненный классик, «генерал» от литературы, мировая величина, совесть нации, рыцарь без страха и упрека. И писатель на совесть, и человек достойный: поставил на ноги и вывел в люди сына-инвалида (см. документальный фильм «Созвучие отца и сына»¹ (Эн-Эйч-Кэй, 1994). С другой стороны, есть те, кто упрекает его за то, что он превращает в литературу личную трагедию и обстоятельства собственной семьи, т. е. слишком уж личное, интимное и уязвимое делает достоянием общности. Да и Нобелевка — то есть пресловутое мировое признание — это тоже вовсе не так уж здоро-

во для японца. Почетно, конечно, но также это еще и маркер того, что ты уже больше не совсем наш, чисто японский парень, ты уже мировая величина, птица иного полета. И что ты теперь можешь со своих мировых высот знать про нас, простых японцев? Примерно в таком духе.

Как правило, у всякого японца есть сэнсэй (учитель, наставник). Это чрезвычайно важно для писателя на этапе становления. Для Оэ таким человеком был его университетский преподаватель, профессор, академик Ватанабэ Кадзуо (1901–1975). Профессор Ватанабэ, видный специалист по западному Ренессансу, в первую очередь известен японскому читателю своим переводом «Гаргантюа и Пантагрюэля» Франсуа Рабле. Кроме того, он переводил таких авторов, как Мюссе, Бальзак, Кокто, Лоти, Мериме, Франс, Декарт, Валери, Дюамель, Вилье де Лиль-Адан, и многих других. При таком мэтре не удивительно, что со временем Оэ, хотя и с опозданием, но всё же обращается к трудам Бахтина и Шкловского. Однако быть сэнсэем по-японски означает не просто научить ремеслу, профессии. Зачастую это предполагает и определенную ответственность за судьбу ученика. Так, Ватанабэ Кадзуо не раз помогал Оэ принять те или иные решения как в писательском, так и в житейском плане. Оэ оставался верен и близок Ватанабэ до самой смерти последнего, и эта смерть стала для Оэ огромным потрясением.

В конце одного из томов романа-эпопеи «Вечная столица» (в русском переводе «Столица в огне») еще одного японского писателя, Кага Отохико, тоже покинувшего нас совсем недавно, 12 января 2023 года², опубликована запись беседы Кага Отохико с Оэ Кэндзабуро. Писатели обсуждают творчество друг друга, признаются во взаимном уважении, вдаются в детали: как диалоги выстраивать, какие типы нарративов и каким образом работают в тех или иных ситуациях... В общем, тонкий разговор о тонкостях мастерства романиста. То и дело звучат имена: Лоуренс Даррелл, Марсель Пруст, Томас Манн... Когда-то японцы взахлеб читали Толстого с Достоевским и комплексовали по поводу того, что у самих нет писателей такого масштаба. Теперь, через сто лет, в начале 2020-х годов, всей мировой литературе вполне есть, на кого равняться, и есть, чему поучиться у этих двух гигантов японской словесности.

В «Поисках жанра» Василия Аксёнова есть такой пассаж: «В зарослях ивняка мелькала красная с желтым рубашка Кэндзабуро. Он развешивал там свои знаменитые Тарелки Эхо». В этом пассаже упоминается еще масса иностранных имен, но если с прочими можно гадать, кто имеется в виду, то тут двух мнений быть не может. Тарелки Эхо мог развешивать один-единственный Кэндзабуро — Оэ. Дожив до двух восьмерок, он как бы совпал с этими тарелками: парой очков идеально круглой формы и парой оттопыренных, как у подростка, ушей. Так видеть и так улавливать, как это умел Оэ, теперь уже больше некому.

И за ним приходит та, которая приходит за всеми людьми.

Александр Беляев,
старший преподаватель Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ

² см. gorky.media/context/tolko-russkie-smogut-ponyat-to-chto-ya-hotel-skazat/

¹ youtube.com/watch?v=EfiMZHt-yiE